

Райнс нерешительно приблизился к примятой траве. В августе растительность у реки поднималась высоко, поэтому образовавшаяся проплешина была заметна издалека.

Это... ребенок?

Многим в герцогском поместье Райнс казался холодным и отстраненным. Любые служанки или лакеи, которые, поддавшись очарованию его внешности, пытались проявить к бастарду хоть каплю дружелюбия, немедленно подвергались жесточайшим наказаниям со стороны герцогини.

Эта благородная леди, выданная замуж из самой столицы ради политического союза, считала величайшим актом милосердия уже то, что незаконнорожденный ублюдок мужа дышит с ней одним воздухом. Видеть, как Райнс живет в свое удовольствие, было для нее невыносимо. Чем несчастнее становилось его существование, тем радостнее было ей на душе.

За прошедшие годы попытки Райнса сблизиться с кем-либо можно было пересчитать по пальцам. Вскоре среди тех, кто не знал правды, поползли слухи о ледяном и высокомерном нраве прекрасного бастарда.

Но в действительности Райнс обладал невероятно мягким сердцем.

Будучи брошенным, никому не нужным ребенком, он инстинктивно тянулся к таким же незащищенным и слабым созданиям. Он не мог отказать даже бродячим котам, выпрашивающим еду на заднем дворе. Что уж говорить о тяжело раненом ребенке, внезапно оказавшемся прямо перед ним.

Райнс опустился на колени. Подол алого шелка мгновенно упал на траву, сливаясь по цвету с пятнами настоящей крови.

В резком контрасте с этим великолепием обнажились его светлые ноги. Под тончайшим слоем ткани не скрывалось больше ничего — сквозь шелк даже ощущались жесткие стебли сорняков. Как бы неловко Райнс ни дергал подол, пытаясь прикрыться, это лишь заставляло вырез на груди сползать еще ниже.

Случись это на окраине столицы, его внешний вид непременно приняли бы за унижительную уловку дешевой ночной бабочки, привлекающей богатых лордов — тех самых, что с притворной скромностью позволяют засунуть купюры под кружевную подвязку на бедре.

«Сюда никто не придет», — успокаивал себя Райнс. К тому же ребенок на его руках казался при смерти.

Кровь на сочно-зеленых стеблях травы уже запеклась плотной коркой. Когда Райнс поднял мальчика, в тишине отчетливо хрустнули ломающиеся травинки.

Эти земли были охотничьими угодьями семьи Соук. Здесь водились шакалы, волки и дикие вепри. Наверное, мальчишка забрел сюда из соседней фермы и заблудился.

На вид ребенку было не больше десяти лет. По всем его рукам и ногам, словно чешуя, рассыпались раны разного размера. Их вид был до жути странным — плоть казалась разорванной изнутри. Ни порезов от ножа, ни следов укусов зверя, ни чего-либо еще знакомого. По спине Райнса пробежал неприятный холодок...

Минувшей ночью существо, представлявшее собой сплошное кровавое месиво, по которому невозможно было определить его вид, выползло на берег реки. Оно приплыло из-за морского пролива, и этот путь вытянул из Него последние остатки сил.

Грудную клетку обтягивала лишь тонкая, едва восстановившаяся полупрозрачная мембрана, сквозь которую в свете луны было видно, как тяжело и мерно пульсирует багровое сердце. Ниже, в брюшной полости, просвечивали полупереваренные останки рыб.

Существо свернулось в клубок. С глухим, тошнотворным хрустом Его кости — череп, шейные позвонки, ребра — начали сжиматься и складываться внутрь.

Доведись человеку стать свидетелем этой картины, он бы сошел с ума от ужаса, решив, что перед ним рождается истинный демон. Но единственным зрителем оказался случайно забредший дикий кролик.

Удивительно, но от природы травоядный зверек словно поддался гипнозу. Это мягкое, безобидное создание вдруг уловило невероятно притягательный аромат, исходящий от груди кровоточащей плоти, и доверчиво поскакало к ней.

В следующее мгновение острые фаланги пальцев пробили его крошечный череп насквозь...

И сейчас маленькая, ледяная рука сомкнулась на изящной шее Райнса. Давление было настолько внезапным и пугающим, что юноша замер, не смея пошевелиться.

Он смотрел на человека перед собой. Кожа под Его пальцами была нежной и мягкой, ни один самый дорогой бархат не мог сравниться с этой текстурой. Под тонким слоем плоти по венам струилась горячая, живая кровь.

Мешочки с ядом, скрытые по бокам Его шеи прямо под челюстью, начали медленно наполняться. Он чувствовал исходящий от Райнса жар.

Это означало обилие питательных веществ — как раз то, что было Ему сейчас необходимо.

— ...Я сделал тебе больно?

Райнсу и в голову не пришло, что крошечная рука, едва способная обхватить даже половину его шеи, может таить в себе угрозу. Он лишь мягко похлопал ребенка по спине, успокаивая:

— Прости, пожалуйста. Я буду осторожнее.

Стоило ему чуть смягчить тон, как его голос становился похожим на нежную мольбу.

Используй маленький Райнс этот голос в разговорах с Гербертом, его жизнь в поместье Соук была бы куда легче.

Райнс уже собирался зачерпнуть в ладони воды, чтобы промыть мальчику раны, как вдруг ледяная рука скользнула с шеи на его плечо.

Используя юношу как опору, существо мгновенно подтянулось вверх. Не прошло и секунды, как Райнс столкнулся взглядом с парой холодных, по-звериному темных сапфировых глаз.

...А мальчик был невероятно красив. Даже в столь юном возрасте в резких чертах его лица уже угадывалась будущая властность.

Райнс оцепенел. Сам не зная почему, он почувствовал... страх.

Ему вдруг показалось, что этот ребенок сейчас вцепится ему в глотку.

Бесстрастные синие глаза пару секунд неотрывно изучали Райнса, а затем мальчик резко подался вперед.

Инстинктивно сжав губы, Райнс отшатнулся, но его спина тут же уперлась в жесткую кору дуба. Он и забыл, что, спасаясь от солнца, сам перетащил их обоих в тень под дерево. Отступать было некуда.

«...Да что со мной такое? Ничего же не случится, о чем я вообще думаю», — мысленно одернул себя Райнс. Испугаться раненого ребенка — какая нелепость! Наверное, это просто нервы после стычки с братом, отсюда и такая дикая паранойя.

— Ты... — начал было он.

Но холодный кончик носа уже коснулся его губ.

Мальчик действовал точь-в-точь как морские сирены из древних легенд, очаровывающие моряков. Схватившись за плечи своей невинной жертвы, он подтянулся еще выше и жадно втянул воздух у самых губ Райнса, приняхиваясь к его дыханию.

Волчонок никогда не сможет скрыть растущие клыки, притворяясь щенком. Аура абсолютного хищника глубоководья, венчающего пищевую цепь, не могла быть скрыта даже в детском теле.

Райнс и сам не заметил, как его руки, обнимающие ребенка, мелко задрожали, а белые пальцы ног судорожно подогнулись, вжимаясь в траву.

— ...Что ты делаешь?

Ему вдруг отчаянно захотелось сбросить этого мальчишку на землю.

Но хищнику было плевать на чувства добычи. Пусть Его нынешнее тело было настолько изувечено, что едва позволяло передвигаться, убить одного человека не составило бы никакого труда.

Проблема заключалась в другом. От человека, который Его обнимал, исходил невообразимо сладкий аромат.

Настолько сладкий, что пробуждал первобытный инстинкт свить гнездо.

По одному лишь дыханию было сложно судить наверняка, поэтому Он просто впился зубами в губу Райнса.

— Мгх!

Тонкие, острые зубки мгновенно прокусили нежную кожу. Не переносящий боли Райнс тут же зажмурился от выступивших слез.

Следом крошечную ранку обожгло холодом.

Мало того, что этот дикарь его укусил, так он еще и слизнул выступившую кровь!

Райнс, зажимая рукой кровоточащую губу, в панике отполз в сторону. В его полных слез глазах, устремленных на сидящего в траве ребенка, читались страх и обида.

Любой другой на его месте отвесил бы ненормальному звонкую пощечину. Но концепция сопротивления, казалось, вообще отсутствовала в природе Райнса. Он был слишком слаб, и любой отпор не только не причинил бы вреда обидчику, но и принес бы еще больше боли ему самому.

Поэтому он лишь растерянно всхлипнул и прошептал:

— Зачем ты так...

Его тон звучал так, будто совершенное над ним насилие было чем-то куда более ужасным, чем простой укус.

Ребенок приподнялся на свежееотросших руках. Кончик языка медленно скользнул по верхнему небу, перенося каплю чужой крови к органу Якобсона — особому рецептору, присущему только русалкам.

Это был Среброхвостый.

Несмотря на подавляющий запах человеческой плоти, этот едва уловимый, скрытый глубоко в генах сладкий аромат невозможно было спутать ни с чем.

Какая жалость.

Он смотрел на Райнса. От покрытой синяками лодыжки до изящных бедер — человеческие ноги, выставленные напоказ из-под темного шелка, казались настолько хрупкими, что их можно было переломить двумя пальцами.

Отчаянная попытка отползти сделала это платье еще более бесполезным. Сейчас Райнс напоминал изысканное пирожное, по неосторожности оброненное кем-то на траву.

У него не было спасительной, непробиваемой чешуи. Его ядовитые железы атрофировались, а зубы были тупыми. Даже костяные шипы, которые должны были украшать поясницу и локти, отсутствовали.

Мягкий, незащищенный кусок плоти, с которым кто угодно мог делать всё, что пожелает.

«Люди плохо о нем заботились», — подумал Он.

Если бы Он его не нашел, этот среброхвостый неминуемо погиб бы в день своего восемнадцатилетия, когда человеческая оболочка не смогла бы выдержать внезапной трансформации и отторгла бы русалочий хвост.

Какая жалость.

Но, с другой стороны, это даже хорошо. И хотя среброхвостые выполняли среди русалок роль продолжателей рода, они все же оставались хищниками. Разве что их жестокость была чуть более холодной и отстраненной по сравнению с кровожадным безумием чернохвостых. Среброхвостые не терпели, когда партнеры запирали их в гнездах, и ненавидели, когда их оплодотворяли каждую секунду. Они всегда казались белыми воронами во всем племени.

Чернохвостые самцы же славились маниакальной жадой собственности. Они не подпускали чужаков ни к своей еде, ни к своей территории. Если бы это было возможно, они бы предпочли, чтобы в водах вокруг их гнезда вообще не было ни единого живого существа.

Только Он и Его партнер — больше никого.

Горло Райнса нервно дернулось. Он увидел, как ребенок, которого он только что отбросил от себя, снова ползет в его сторону, оставляя на смятой траве зловещий багровый след.

— Не подходи... стой...

Не найдя выхода, Райнс был вынужден сам податься навстречу:

— У тебя же раны.

Мальчик склонил голову и прижался щекой к ладони Райнса, ластясь, словно извиняясь за свой недавний поступок. Ища утешения.

В конце концов, в таком возрасте дети уже должны понимать, что такое чувство вины.

«Если подумать, он ведь просто был напуган. Вот инстинктивно и напал на незнакомца», — попытался оправдать его Райнс.

Сердце юноши снова дрогнуло от жалости. Он мягко, но с легкой укоризной прошептал:

— Только больше не кусайся, ладно?

<http://bllate.org/book/18086/1734608>